

Каждое воспоминание обладает своим запахом, и тот, кому хотелось бы вновь пережить былую радость, должен просто вспомнить ее аромат.

Пролог

— **А** можно мне стакан воды? — спросил пациент; он скукожился в кресле и казался совсем маленьким.

Элиас, подпрыгивающий ногой от возбуждения, повернулся к Алену. Наставник кивком дал согласие, и молодой человек метнулся к кулеру. Опустевший стаканчик, удовлетворенный вздох, и пациент наконец-то почувствовал, что готов. Элиас вернулся на свой стул, на котором успел уже извертеться. Его навязчивая потребность в постоянном движении, с которой он давно и безуспешно пытался справиться, еще усиливалась от стресса. А в стрессе он пребывал практически постоянно.

— Ну, месье Дюрэн, прошу вас, можете начинать, — подбодрил Ален старичка, занеся карандаш над девственным листком бумаги.

Пациент еще глубже зарылся в кресло и прикрыл глаза.

— Сегодня мне хотелось бы еще разок увидеть урок моего школьного учителя. Прелюбо-

пытный был тип. И забавный, и требовательный. Он встречал нас на крыльце, в своем сером рабочем халате, прямой как палка. Какие же у него были очки? Круглые. Нет, квадратные.

На мгновение лицо пациента сморщилось.

— В точности уже не припомню, но это придавало ему суровый вид. Однако он был самым жизнерадостным из преподавателей. Вечно шутил. Но его уважали. Что да, то да. Теперь-то дело другое. Внук на «ты» даже со своими учителями. В мое время о таком и помыслить было нельзя...

— Месье Дюрен, не забудьте об обонятельных ориентирах, — прервал его Ален. — Крайне важно, чтобы вы подробнее рассказали нам обо всем, что вас окружало. Это ключевые детали, необходимые для создания точной реконструкции.

Старичок провел испещренной морщинами ладонью по сосредоточенному лицу и продолжил:

— Когда мы заходили, парами, — он изобразил сцену, помахав руками взад-вперед, — я всегда старался оказаться рядом с Луи. Он был моим лучшим другом. Я вам о нем уже рассказывал. Точно-точно. Тот самый, который отошел во сне около года назад. Хотелось бы и мне так распрощаться с миром.

Со всею мягкостью Ален призвал пациента к порядку.

— Простите, но я, когда закрываю глаза, становлюсь болтлив. О чем бишь я? Ах да! Мы с Луи, зайдя в класс, залезали на учительскую кафедру, чтобы измазать ладони крошками мела, которые валялись под большой черной доской, а потом вытирали белые руки о спины других учеников. И здорово веселились. Видели бы вы, как бесились остальные.

Услышав эти подробности, Ален вскинул бровь и поспешил записать на листке химические вещества, обеспечивающие нужный обонятельный состав. Сам того не осознавая, пациент только что дал сигнал к началу сеанса. Кашмеран¹ прекрасно передаст минеральное ощущение грифельной доски. Фенилацетатные нотки метила и цедролла воссоздадут навощенный пол. И почему бы не добавить приморского кореопсиса? Нет. Ален передумал использовать эту субстанцию. Слишком водянистая, слишком морская. Недостаточно сухо и пыльно. Ирис нитрил — вот что сформирует запах белого мела, щекочущий нос. Но специалист еще не закончил. Пока старик, пустившийся в бессвязный пересказ своих воспоминаний, продолжал описывать школьный класс далекого прошлого, Ален фиксировал, разлагал на составляющие и интерпретировал каждый слу-

¹ *Кашмеран* — химическое соединение с пряным мускусно-древесным ароматом; изобретен в 1970 году, призван передать мягкое ощущение кашемира (отсюда и название). — *Здесь и далее примеч. перев.*

чайный извив старческой памяти. Тут кожаные башмаки, там холодные испарения чернильницы — он претворял информацию в исходные сырьевые вещества и записывал названия эссенций.

Довольный полученным результатом, Ален сделал Элиасу знак подойти. Пациент еще продолжал свои мысленные странствия, а молодой человек уже взял список, обогнул стол наставника и достал из шкафа склянки с указанными субстанциями. Бесшумно проскользнув через комнату, он устроился на рабочем месте, расположенном за спиной старика. Там ассистент ольфактора¹ смешал различные составляющие в химическом стакане, стоящем на прецизионных весах.

— Это была школа для мальчиков. Если хотелось повидаться с девочками, приходилось ждать до вечера. Помню, у меня была подружка. Она делилась со мной конфетами «Зан». Милая девчушка.

Элиас прервал свое занятие и поднял голову, повернувшись к Алену. Конфеты «Зан»: старик имел в виду лакрицу? Специалист, заметивший реакцию своего ассистента, одобрительно ему улыбнулся. Элиас вскочил и вер-

¹ Ольфактор, ольфакторный — относящийся к запаху или обонянию, от «olfactorius» — обонятельный, душистый (лат.). В данном случае (и далее в тексте) ольфактор — специалист, занимающийся обонятельным восстановлением памяти.

нулся к шкафу. Чтобы довести до совершенства обонятельную атмосферу воспоминания, этот аспект должен отразиться в конечной формуле. Изобутил хинолин вполне подойдет, не смотря на его зеленые кожаные нотки.

Когда смесь была готова, он растворил ее в эмульсии ЛМС, летучей мемоактивной¹ субстанции, заправил полученный состав в распылитель и передал его Алену. Тот спокойно дождался, пока пациент закончит свой рассказ, и спросил:

— Вы готовы?

Дрожащие губы старика выдавили едва слышное «да». Ален нажал кнопку, запускающую аппарат, и из прорези поднялись первые завитки испарений. Он протянул прибор пациенту и улыбнулся:

— Пора вам вернуться в прошлое!

Старик тотчас поднес устройство к носу и сделал глубокий вдох. Доли секунды хватило его обонятельным клеткам, чтобы уловить витающие в воздухе пахучие молекулы. Мгновением позже дыхание у него прервалось и ему показалось, что он летит в пустоту. Падение в лимбы памяти, проникновение туда, куда никто не отваживается заглянуть: в забытое. Полное погружение в излучины собственного мозга. Ольфакторная химическая формула воскрешала не только воспоминания, но

¹ Мемоактивная — эд.: воздействующая на память.

и все прошлые эмоции и ощущения. Беспечность, легкость и простодушие детства. Старик уже и припомнить не мог, когда чувствовал нечто подобное. В один прекрасный день все это просто исчезло из его восприятия мира.

Пока гипоталамус переваривал обонятельную информацию, тело налилось жаром. Взрыв образов из прошлого — один ярче и отчетливее другого, — и все они всплывали на поверхность. Давным-давно утраченные детали. Гримасы на лице учителя, когда ответ оказывался неверным. Вцепившиеся в ворот маленького Дюрена толстые короткие пальцы одноклассников, обнаруживших меловую обиду; вечно развязанные шнурки Луи. Луи и его смех, рикошетом отлетающий от стен школьного двора. Луи и его оцарапанные коленки, все в земле и крови. Теплая волна разлилась в животе старика. Он был в эйфории, в экстатическом восторге. Он снова стал тем мальчишкой. Прощай, ветхое тело — тело, согнутое и изъеденное неумолимым ходом времени. Он вдруг почувствовал себя вечным, неудержимым и смелым, каким может быть только ребенок. Выпятил грудь навстречу будущему и лукавым взглядом бросил вызов расстилающейся перед ним жизни. Если бы молодость знала, если бы старость могла... Нет. Он топтал эту поговорку своими школьными ботинками. Если бы старость помнила, чем была молодость. Вся его душа пол-

АРОМАТ

нилась наслаждением. Слезы текли по щекам, изборожденным прошедшими годами. Он был в одно и то же время пуст и полон, был здесь — и очень далеко.

Мало-помалу действие ЛМС проходило, увлекая с собой воспоминания прежней жизни. Детство только что нанесло ему короткий визит. Когда он очнулся, запахи прошлого испарились. Горло было сухим, а глаза влажными. Стоящий рядом Ален успокаивающе положил руку ему на плечо:

— Добро пожаловать обратно к нам.

Несколько часов спустя Элиас проводил к выходу последнего за этот день пациента. Не слишком интересуясь местной политикой, он все же узнал мэра Мана благодаря расклеенным по всем улицам города плакатам, но счел своим профессиональным долгом обращаться с народным избранником как с совершенно незнакомым человеком. Наставник приучил его к соблюдению строжайшей сдержанности: «Чем полнее они отрешатся от всего, что представляют собой сегодня, тем полнее вспомнят то, чем были вчера». Данную сентенцию он не раз повторял во время их ритуальных посиделок пятничными вечерами — лишь тогда, раз в неделю, Ален позволял себе стаканчик алкоголя. Элиасу было в удовольствие составлять шефу компанию, тем более что Ален щедро делился слухами и сплетнями, сообщая самые свежие новости профессионального сообщества и совершенствуя таким образом неформаль-

ную подготовку ассистента. Но сегодня Элиасу пришлось прогулять очередной урок. Его отъезд в ольфакторный центр был назначен на понедельник, и он считал делом чести оставить после себя все бумаги и хозяйство в полном порядке.

Этот филиал «Фрагранции»¹, расположенный на втором и третьем этажах весьма нестандартного старинного здания, имел в своем сокращенном штате только их двоих, что вынуждало Элиаса держать весь фронт в одиночку. Он перемыл стеклянный инвентарь, проверил комплектацию базовых атмосфер и исходного сырья, удостоверился, что все распылители в исправности, заполнил расписание и отправил подробный отчет об уровнях ЛМС в штаб-квартиру. Материнская компания, отвечающая как за производство данного вещества, так и за его распределение и применение, с особой строгостью следила, чтобы оно использовалось исключительно по назначению. Главный элемент сеансов ольфакторного транса, этот психотроп, был краеугольным камнем всего предприятия. Малейшая аномалия в присланных отчетах поставила бы в крайне сложное положение и их лабораторию, и самого Алена.

Оставшееся время Элиас посвятил инвентаризации учетных карточек пациентов в базе данных. Он по одному перебрал все обонятель-

¹ От «*fragrancia*» (*позднелат.*) — запах, аромат.

ные воспоминания, затребованные на этой неделе, и распределил их по количеству обращений. К его огромному удивлению, «прогулка по пляжу», которую запрашивали в текущем месяце более пяти раз, не упоминалась в карточке готовых типовых наборов. Перед отъездом надо предупредить об этом Алена. И наконец, Элиас добавил атмосферу стародавнего школьного класса в карточку месье Дюрена. Трогательный пациент. Он много говорил, частенько растекался мыслию по древу, но его сеансы ольфакторных воспоминаний всегда несли в себе ту поэтичность, которая скрывается в самых простых вещах.

Когда все необходимые задачи были выполнены, ассистент позволил себе передохнуть в пустой приемной. Скоро Алэн отправит его домой. Элиас воспользуется этим, чтобы прибраться в своей комнате перед великим переселением. В его усталом мозгу мелькнула тревожная мысль. А вдруг во время испытательного срока он окажется не на высоте? Тогда у «Фрагранции» не будет иного выбора, кроме как отослать его обратно. Интересно, Алэн очень на него разозлится? Нет, не может быть. Этот человек желал ему только счастья. Элиас вздохнул и запрокинул голову. Через несколько секунд в затылке возникла боль. Он выпрямился и обвел взглядом приемную. Прямоугольная, с высоким потолком, залитая светом из двух широких окон, она, однако, отличалась от обыч-

ной приемной количеством заполняющего ее разнообразного хлама. Надо будет как-нибудь при случае все здесь разобрать. Тут и пройти-то можно только с трудом.

Ален был неисправимым собирателем. Он хранил все. На старинном паркете возвышались стопки газет высотой с коленопреклоненных людей — точно осадочные керны, свидетели сменяющихся геологических эпох. Внушительные вазы, до краев заполненные рекламными шариковыми ручками, занимали центральное место, а стены были сплошь покрыты сотнями почтовых открыток, присланных со всего света. Элиас подозревал, что пациенты нарочно развлекаются, отправляя их только для того, чтобы увидеть, на которой из них коллекционная горячка спадет. Разросшаяся коллекция добралась уже до туалета, но Элиас опасался, что она поползет и дальше. Однажды, получив приглашение попить кофейку у наставника, он обнаружил ящик, набитый пустыми упаковками из-под камамбера. Поэтому время от времени и с согласия Клодины, жены Алена, он принимался за перетряхивание и прореживание его накоплений, а тот никогда ничего не замечал.

Элиас прикрыл веки. Из-за предотъездного волнения он чувствовал потребность ощутить пустоту внутри себя. Сделал глубокий вдох и позволил чувствам излиться вовне — упражнение, которое он привык проделывать, когда испытывал тревогу. Внезапно тишину нарушил

дверной звонок. Вздвогнув сильнее, чем любой другой на его месте, Элиас выскочил из кресла и прокричал в направлении кабинета Алена, что сам займется визитером.

Когда он открыл дверь, перед ним предстала парочка верзил, затянутых в черное от башмаков до кепи. Они даже не сподобились снять темные очки внутри здания. Ученик ольфактора мгновенно узнал это одноцветное облачение.

— Назовите себя, — приказали они.

— Элиас Револь, ассистент Алена Фиссона, — послушно доложил он, массируя затылок.

Тот, кто был пониже, провел тяжелым пальцем по списку имен на экране какого-то прибора и поднял голову. Прозвучал приговор:

— Доступ не подтвержден. Посторонись.

И визитер без промедления проложил себе дорогу плечом, а его младший коллега, настоящий гигант, двинулся следом. К его мощному запястью был пристегнут наручником алюминиевый чемоданчик.

— Где ольфактор Фиссон? — пролаял первый, сканируя обстановку взглядом поверх темных очков.

— В своем кабинете.

— И чего ты ждешь? Сходи за ним.

Но Элиас, выбитый из колеи жесткостью приказа, застыл на месте.

Стоящий позади него громила расстегнул свою форменную куртку. В смятении молодой человек принял футляр для очков на поясе не-

жданного посетителя за кожаную кобуру. Дыхание участилось, и Элиас на шаг отступил. Субъект, до крайности довольный тем, что кто-то наконец воспринял его амуницию всерьез, расплылся в широкой улыбке. У него была физиономия престарелого *vaquero*¹ (из тех, кого не взяли бы даже в спагетти-вестерн), так что эта гримаса показалась Элиасу угрожающей. В глазах у юноши помутилось, дыхание стало прерывистым и горячим. Им овладевал страх. Эмоции Элиаса отличались такой силой, что частенько вызывали приступы. Вот и сейчас он готов был в очередной раз потерять контроль. Точно-точно, совсем скоро он пойдет вразнос. Эта мелькнувшая в голове мысль только ухудшила дело. Тревога комом разрасталась в подздошь, и ее следовало непременно повернуть вспять. Он вытащил из кармана металлический жетон и принялся теревить его в пальцах. «Расслабься, расслабься!» — молча уговаривал он себя, закрыв глаза.

— Это на него мой футляр от тактических очков так подействовал? Ну и ну. А ты еще называл дубиной меня.

Напарник пожал плечами:

— Глянь на него. Он же просто псих.

— Хватит, — вмешался Ален, выходя из кабинета.

¹ Пастух на лошади (*исп.*), испанский, а затем мексиканский прообраз американского ковбоя.

Оба курьера тут же замерли.

— Ольфактор Фиссон, мы получили строжайшие предписания. Он нам...

— Молчать! — рявкнул Ален, подняв руку, чтобы продемонстрировать запястье с вытатуированной на нем розой с четырьмя шипами. — И оставьте в покое моего ассистента, — уже спокойнее продолжил он. А потом порылся в бумажнике и протянул визитерам черную карточку, которую те суетливо проверили. — Не знаю, где Корнелия вас находит, но придется сказать ей пару слов по поводу критериев, которыми она руководствуется.

Ален назвал им код из пяти цифр. После раздавшегося мгновением позже металлического щелчка наручник раскрылся и чемоданчик был передан адресату. Удостоверившись в целостности бумажных лент, которыми был опечатан замок кейса, ольфактор небрежным взмахом руки отпустил обоих мужланов.

Элиас мало-помалу приходил в себя.

— Ты отлично справился, — ободрил его Ален. — Тебе удалось не поддаться приступу.

Он положил ладонь на руку Элиаса, мгновенно остановив лихорадочную мельтешню жетона. Молодой человек убрал вещицу в карман и внимательно оглядел чемоданчик. Глаза у него широко распахнулись. Раньше он никогда не видел биометрических замков. Ален хмыкнул:

АРОМАТ

— Новый протокол. Эта штука срабатывает только на мой отпечаток. Да к тому же большого пальца ноги. На случай, если мне решат отрезать руку. — Он подвигал пальцами. — Не представляю, откуда они берут свои придумки. Догадываешься, что там внутри?

— Полагаю, ЛМС, — отозвался молодой человек, не скрывая своего восхищения драгоценной жидкостью.

Ален кивнул:

— Пошли. Поможешь мне открыть эту штуку. Две головы лучше, чем одна!